

«Жизнь ничего не дает бесплатно, и всему, что преподносится судьбой, тайно определена своя цена». © Стефан Цвейг

\*\*\*

А вы помните самый важный и чудесный на этом свете день — день своего рождения? Кто-то может сказать, что такое невозможно, но жизнь именно тем и замечательна, что богата загадками и самыми настоящими чудесами!

[... Замок Айнцберн, Германия — Ночь... 17XX год...]

Погода в эту ночь необычайно разыгралась. Ледяной ветер, с силой поднимал столпы палого снега к небу, деревья в лесу промёрзли до сердцевины и сама земля обратилась в безжизненный камень. Тем временем, за стенами древнего замка, затерянного в горах, было тепло и уютно — ибо пламя очага заботливо согревало местных обитателей.

Пара прелестных горничных с тревогой и опаской наблюдали за своей госпожой, прижимающей к груди крошечный сверток с новой жизнью. Младенец был более хрупким и болезненным, чем могла представить себе мать.

В груди старательно билось неокрепшее сердце, и почему-то казалось, что на такую простую вещь у новорожденного уходили все силы.

— Всё будет хорошо... — успокаивающе пробормотала обессиленная женщина. Бледное, как полотно её кожа, казалось, таила в себе мистический свет луны, а холодные глаза невыразительно рассматривали дитя.

Пусть госпоже было недоступно простое человеческое счастье, в движениях её рук читались материнская забота и ласка. Юстиция Лизрич фон Айнцберн не была творением божьим. Таких, как она, — гомункулов, — люди создавали только для определённых целей. В качестве орудий, если не инструментов.

— Я так рада, дитя моё, — невольно пролепетала госпожа, с умиротворением на лице. — Тебе предстоит жить в мире людей. Это будет нелегко. Возможно, настанет день, когда ты возненавидишь меня — лишь подобие человека. Искусную куклу, давшую тебе жизнь. Но я всё равно счастлива... наверное, это и есть любовь, о которой ты говорил? — последние слова были сказаны почти шепотом, сразу же растворившись в тишине ночных звуков.

С первого взгляда, ребенок ничем не отличался от человека - тонкая шея держала на плечах несоразмерно большую голову, а пухлые щеки слегка розовели в полумраке комнаты.

Горничная по имени Лизритт, глуповатая от природы, резко разрезала устоявшуюся тишину, — Госпожа, вы помните о встрече с господами Тосакой и Макири?

Женщина молчаливо опустила голову и вздохнула. Она не только мать этого дитя, но и патриарх древнего магического клана. Семьи, у которой есть великая миссия, возложенная на их плечи больше тысячи лет назад...

Младенец мирно лежал на груди матери и молча наблюдал за всем происходящим. Он не знал языка и не понимал выражения лиц, всё вокруг казалось ему невероятно забавным и увлекательным. И, хотя его детский мозг вовсю изучал окружающий мир, тело неумолимо клонило в сон.

Последнее, что он помнил, это — Es tut mir leid, aber das ist nötig... Ich liebe dich!(Мне очень жаль, но так нужно ... Я люблю тебя!)

\*\*\*

[180X год...]

Посреди белоснежного моря цветов покоился большой хрустальный гроб. В нем дремал мальчик, которому на вид не дашь и больше шести лет. Под ним располагались мягкие ткани и подушки. Спящему должно быть тепло и уютно в этом крошечном мире, созданном лично для него.

Периодически мальчику являлись горничные и он постоянно спрашивал, где та леди, что улыбалась ему вначале.

«Госпожа занята» — отвечали ему горничные.

В таком случае он упрашивал их прочесть сказки, поведать новые истории:

Когда-то ему рассказывали о «Русалочке».

Когда-то ему рассказывали о «Питере Пэне».

Когда-то ему рассказывали о «Красавице и чудовище».

Сейчас он увлеченно слушал о невероятных путешествиях маленького принца, породивших в сознании мальчика целую кучу вопросов.

Как выглядят голубое небо и синие море?

Что такое ветер?

На что похожи звёзды?

Ему было любопытно узнать всё, что есть там — во внешнем мире.

Ему казалось, что это чудесное место полное захватывающих приключений, ярких красок и страшных опасностей.

Лишь позже мальчик узнал правду, почему ему нельзя покидать эту скучную темницу из хрупкого хрусталя. Его здоровье не крепче стен гроба, в котором он вынужден был расти, не

позволяло ему сделать этого. Он — цветок, выращенный в теплице, и как только он выйдет за ее пределы — увянет навечно.

Этим мальчиком был я.

Однажды все закончилось.

Горничная, читающая мне сказки и беседующая со мной часами напролёт, больше не приходила. Расстроившись, я принялся настойчиво звать её и по-детски наивно угрожать, что перестану с ней разговаривать.

Но всё было зря, именно в тот день я узнал, что значит увянуть и каково это — исчезнуть...

[181X год...]

Когда Лиз появилась в следующий раз, то выглядела совсем не как раньше. Что-то явно изменилось. Она не могла вспомнить тех дней, что мы провели вместе и глупо улыбалась в ответ на мои расспросы.

Тогда я впервые за долгое время заплакал. Я требовал объяснений. Горничная виновато опустила голову и ответила: «Возможно, Юный господин имел в виду прошлую модель, но срок её службы закончился и пришлось её утилизировать. Теперь за вами буду ухаживать я, вы можете звать меня Лизритт».

Тогда я впервые по настоящему ощутил ненависть, сам не зная, почему. То ли меня выводила собственная беспомощность, то ли бесцельность всего происходящего.

А после долго молчал и смотрел в потолок.

Впервые я узнал новое чувство, оно разъедало меня изнутри — кажется, его называли печалью.

Теперь я знал, что ту самую Лизритт словно игрушку выбросили в утиль, когда она пришла в негодность. Таковой была печальная участь каждого гомункула, созданного в этом замке.

Но тогда я ещё не ведал всей печали этих жалких существ, называвших меня «принц», и просто начал смутно осознавать новую для себя концепцию... смерть.

И впервые мне захотелось исчезнуть из этого мира...

\*\*\*

[194X год...]

У каждого человека есть своя жизнь.

Для кого-то она полна радости и счастья.

Для кого-то скучна и нудна.

Мне же было отказано в том и другом, и суждено целую вечность дремать в тюрьме, являвшейся лишь иллюзией жизни.

Холодный белый потолок — это небо в моих глазах, а тишина и пустота — мои вечные спутники. Боясь познать боль, я закрыл своё сердце и перестал говорить с новыми моделями, они же безучастно наблюдали за мной и увядали словно цветы, когда заканчивался их сезон.

Госпожа так и не появилась, она не вернулась, ибо...

«Она... твоя мать давно умерла», — как-то раз некто ответил мне так. Помню лишь размытый силуэт отливающий лазурным блеском во тьме...

И без того мрачная жизнь совсем потеряла все краски.

Не желая так существовать, я предпочёл дремать вечность и погрузился в глубокий сон.

Однажды я очнулся. Моё сознание начало покидать меня, и я понял... что вскоре исчезну, как и Лиз когда-то давно. Не знаю, что именно мне тогда удалось испытать, был ли это липкий ужас или облегчение...

Возможно... я действительно умер в тот день.

[194X год...]

<http://tl.rulate.ru/book/88459/2822069>